

РУССКАЯ БЫЛИНА И БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ В.А. ЛЕВШИНА: ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ ЖАНРА

Щедрин И.Л., аспирант

Запорожский национальный университет

В статье с помощью выдвинутой М.М. Бахтиным концепции «памяти жанра» анализируются межжанровые связи между богатырскими сказками русского писателя XVIII в. В.А. Левшина и былинами, выделяются и описываются черты памяти жанра былины, выраженные в произведениях Левшина.

Ключевые слова: жанр, былина, богатырская сказка, литературная сказка, хронотон, память жанра.

Щедрин І.Л. РОСІЙСЬКА БИЛИНА ТА БОГАТИРСЬКІ КАЗКИ В.О. ЛЬОВШИНА: ПРОБЛЕМА ПАМ'ЯТИ ЖАНРУ / Запорізький національний університет, Україна

У статті за допомогою висуненої М.М. Бахтіним концепції «пам'яті жанру» аналізуються міжжанрові зв'язки поміж богатырськими казками російського письменника XVIII ст. Василя Льовшина і билинами, відокремлюються та описуються риси пам'яті жанру билини, виражені у творах Льовшина.

Ключові слова: жанр, билина, богатырська казка, літературна казка, хронотон, пам'ять жанру.

Schedrin I.L. RUSSIAN BYLINAS AND HEROIC FAIRY TALES BY V.A. LEVSHIN: THE PROBLEM OF GENRE MEMORY / Zaporizhzhya National University, Ukraine

The article deals with inter-genre connections between heroic fairy tales by the Russian writer of the XVIII century Vasily Levshin and bylinas. These connections are analyzed with help of M.M. Bakhtin's concept of the "genre memory". The features of bylina genre memory expressed in Levshin's works are marked off and described.

Key words: genre, bylina, heroic fairy tale, literary fairy tale, chronotopos, genre memory.

Богатырская сказка – название межжанрового единства литературных произведений, которое в филологическом дискурсе употребляют обычно применительно к некоторым прозаическим произведениям XVIII в. (так называемое «фольклорное направление»), к которому относят В.А. Левшина, М.Д. Чулкова, М.И. Попова [1] и прозаическим и поэтическим произведениям XIX в. (поэмы Н.М. Карамзина, Г.Р. Державина, Н.А. Львова, Н.А. Радищева и др.).

То, что на сегодня «богатырские сказки» (в значении «литературные произведения второй половины XVIII – нач. XIX вв., обладающие определенным набором признаков») не имеют устоявшегося терминологического значения, видно уже по тому, что богатырской сказкой некоторые исследователи называют и фольклорный жанр. В частности, в работе 2003 г. российский фольклорист М.Ф. Бухуров [2] именуется богатырской сказкой адыгскую фольклорную волшебную сказку. Говоря о русском устном народном творчестве, богатырской сказкой называют иной раз прозаический пересказ былины или сказку, созданную на основе былины. На первом этапе изучения былин их также называли «сказками о богатырях» или «богатырскими сказками».

В рамках данной работы, говоря о «богатырской сказке», автор подразумевает только и исключительно явление в русской литературе: корпус текстов, созданных во второй половине XVIII – начале XIX вв., имеющих жанровые признаки литературной сказки, но в то же время созданных под явным влиянием русского героического эпоса. В данной работе речь пойдет о богатырских сказках В.А. Левшина, опубликованных впервые в сборнике «Русские сказки» в 1780 г. под подзаголовком «Сказки богатырские» (который во всех изданиях, начиная со второго, отделяет этот массив из 5 произведений, как отдельную «повесть» с отдельным предисловием, от социально-бытовых «Сказок народных», составивших вторую и особую часть сборника).

«Русские сказки» В.А. Левшина представляют собой одну из первых попыток новой русской литературы обратиться к фольклорным корням, и одну из первых и наиболее успешных на протяжении длительного времени попытку ввести в русскую литературу былинку. Задолго до начала массового и серьезного изучения русского богатырского эпоса, который был в центре внимания отечественной фольклористики на всем протяжении XIX в., а равно и в советский и постсоветский период, В.А. Левшин открыл былинку массовому русскому читателю третьего сословия. После публикации (в нескольких изданиях, в силу высокой популярности) «Русские сказки» приковали к себе внимание литераторов и исследователей литературы еще в XIX в.: повествования о богатырях, сочиненные В.А. Левшиным, заслужили большую популярность, многократно переиздавались и вдохновили многих авторов (в том числе А.С. Пушкина [3, с. 62]) на поиск новых образов и сюжетов в сокровищнице русского былинного эпоса. Такое внимание объясняется тем, что произведения В.А. Левшина стали одной из первых попыток ввести образы русского национального богатырского эпоса в круг тем и образов бурно развивающейся русской литературы. Невзирая на отмечаемое, творчество В.А. Левшина внимательно изучается отечественным литературоведением уже с XIX века, отдельные исследования его творчеству и биографии посвятили В.В. Сиповский, В.Б. Шкловский, В.П. Степанов, Л.В. Омелько, Л.А. Курышева, Е.М. Дзюба.

Одним из дискуссионных вопросов для исследователей русской литературной сказки XVIII в. и творчества Левшина стал вопрос о роли былинного начала в его богатырских сказках.

Так, Л.А. Курышева говорит о сказочно-исторической модели повествования В.А. Левшина [4]. В то же время, она и многие другие исследователи отмечают, что писатель не оставил от былины практически ничего. «Сказки» Чулкова (на момент написания автором «Русских сказок» считался М.Д. Чулков) по типу своему принадлежат, главным образом, к романам «рыцарско-волшебным» – вернее, к рыцарским поэмам, в роде произведений Баярда, Ариосто, Тассо, Виланда и др. Эти «поэмы» явились результатом подражания старым рыцарским романам (вроде «Амадисов» и «Пальмеринов»). Усвоив оттуда ряд «общих мест», они, со своей стороны, внесли в освещение героев-рыцарей и их подвигов несерьезность тона и авторский скептицизм», – полагал В.В. Сиповский [3, с. 63]. Это, поныне не опровергнутое [4, с. 5], утверждение, по мнению автора данной работы, является спорным.

Представляется, что для объяснения феномена сплетения «волшебного» и «богатырского», «литературного» и «народного» начал в богатырских сказках В.А. Левшина необходимо прибегнуть к концепции памяти жанра, впервые предложенной М.М. Бахтиным. В рамках данной концепции, перекликающейся с современными представлениями о коллективной культурной памяти человеческого общества [5, с. 65], исследователи говорят о наличии у жанра неких сверхустойчивых параметров, своеобразной «памяти формы», определяющей процесс исторической эволюции жанров и объясняющей тот факт, что жанры не возникают из ничего и не исчезают бесследно, а развиваются во времени и взаимно влияют друг на друга. Уже Бахтин первым отмечал действие памяти жанра в межжанровой коммуникации литературы и фольклора, говоря о памяти жанра мениппеи и ее дописьменных истоках [6]. Для М.М. Бахтина концепция памяти жанра была необходимым вспомогательным элементом его теории о мениппее – метажанре, пронесенном сквозь века и культуры, но тем не менее сохранившем некий общий культурологический знаменатель. М.М. Бахтин выделял 14 признаков, цементирующих произведения мениппеи – и, поскольку большая часть этих признаков наблюдалась не во всех произведениях, относимых им к этому метажанру, исследователь писал о существовании особого феномена памяти жанра, являющейся формой межжанровой преемственности.

Сегодня трудно говорить о господствующем терминологическом значении, закреплённом за памятью жанра. Современные исследователи используют термин по-разному, в зависимости от направления исследований. Тон этому задали многочисленные и широко известные исследования середины и второй половины XX в., посвященные коллективной и культурной памяти. Вслед за этими трудами в научный дискурс конца XX в. была введена (в том числе при участии отечественных ученых Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева и других) концепция жанровой памяти, а вместе с ней – и памяти жанра. Концептуальное наследие Бахтина в дальнейшем осмысливалось многочисленными отечественными исследователями литературы, фольклора, культуры, истории. Сегодня представляется возможным выдвинуть синтетическое определение памяти жанра, которое не выхолащивает концептуального значения, заложенного М.М. Бахтиным в этот термин. Примем в рамках данной работы, что память жанра – это неотъемлемая составляющая литературного жанра, онтологически выступающая в качестве зафиксированной или незафиксированной (на момент создания произведений существующей лишь в сознании авторов или реципиентов произведения) культурной традиции, влияющей на бытование данного жанра, а также всех его жанров-преемников и наследников.

Классический набор признаков мениппеи, предложенный М.М. Бахтиным, содержит 14 пунктов, в основном касающихся композиции, стилистики, поэтики, жанрового окружения и идейно-художественного своеобразия литературных произведений. Учитывая современные исследования памяти жанра, можно выделить основные механизмы ее реализации [5, с. 65]:

1. Тематика произведений (по М.М. Бахтину).
2. Характерное мировосприятие авторов – также по М.М. Бахтину.
3. Характерные для жанра литературные приемы.
4. Сюжетика и композиция произведений жанра.
5. Социально-эстетическое значение жанра (которое включает в себя его аудиторию и отношение общества к жанру: например, его классификацию как низкого или высокого, массового или элитарного).
6. Поэтика: ритмика, лексика, фразеология и другие поэтические особенности, типичные для подавляющего большинства произведений жанра.
7. Непоэтические формальные характеристики текста (например, объем).
8. Жанровая дистрибуция (какие жанры генетически или тематически связаны с исследуемым, с какими происходит плодотворный обмен материалом).

9. Внелитературная дистрибуция (какие виды искусства зачастую вступают во взаимодействие с произведениями жанра).

10. Авторское определение жанра (чаще всего оно обладает большим значением, чем литературоведческая классификация, так как сопровождает произведение на всем протяжении его жизни в культуре и, влияя на рецепцию произведения, по сути, само является его частью).

Итак, основным вопросом в рамках данной работы является следующий: действуют ли механизмы памяти жанра былины в произведениях В.А. Левшина, и если да, то какова их специфика.

Отвечая на этот вопрос, необходимо заметить следующие черты памяти жанра былины, выраженные в произведениях В.А. Левшина:

В предисловии к «Русским сказкам» В.А. Левшин пишет: «... издаю сии сказки русские с намерением сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имеющих время, собрать все оных множество...» [7, с. 3]. Насколько серьезно пишет об этом В.А. Левшин (не исключена возможность, что он мистифицирует читателя, для чего служат и два предисловия – в первом изложена позиция автора, а во втором слово берет уже нарратор)? Произведение содержит достаточно высказываний, которые выдают скептическое отношение писателя к излагаемым им же «вымыслам» – Л.А. Курьшева указывает на значимость приема иронического остранения в «Русских сказках» В.А. Левшина [4, с. 142]. В то же время, самоирония повествователя в основном проявляет себя в тех фрагментах богатырских сказок, которые отходят весьма далеко от привычных богатырских сюжетов: вероятно, с помощью иронии автор не подвергает сомнению историзм «былей», а одергивает сам себя и собственную фантазию.

В богатырских сказках В.А. Левшина обнаруживается несколько десятков высказываний, свидетельствующих о целевой установке автора на рассказ о деяниях русских героев древности – особенно изобилует этими высказываниями предисловие нарратора. Повествователь упоминает конкретные имена исторических персонажей, дает исторический комментарий к ряду сказок, объясняет историзмы [7, с. 18; 107; 126], дает историко-краеведческий комментарий [7, с. 29; 47; 108; 154; 157], мифологический [7, с. 54; 86; 128; 165; 173], былинно-исторический [7, с. 74; 103; 188], собственно исторический [7, с. 82]. С помощью частых комментариев автор умело создает эффект документальности – особенно же высока роль историко-краеведческого комментария, призванного максимально увязать «былинную» историю, реконструируемую Левшиным, и реальную.

Едва ли возможно называть установку на историзм «богатырских сказок» игрой, если учесть, что, кроме иронии в некоторых фрагментах, Левшин ничем не выдает своего скептического отношения к самой «былинной истории». Писатель не оставляет нам возможности интерпретировать его дотошное внимание к деталям как грубую попытку «воссоздать декорации Руси» – напротив, на доступном ему уровне В.А. Левшин сугубо историчен.

Между тем, в волшебной сказке, которую В. Пропп определял как «нарочитую и поэтическую фикцию» [8, с. 87], любые элементы историзма являются легко устранимыми и очевидно привнесенными – иными словами, их нет в числе жанровых признаков волшебной сказки. А вот в памяти фольклорного жанра былины есть установка на историзм: певцы былин, по свидетельствам собирателей [9, с. 1004], всегда воспринимали «старины» как песни о реальных событиях, имевших место в прошлом, причем даже фантастические детали воспринимались ими как достоверные (с поправкой на «былые времена»). Разумеется, яркий деятель русского Просвещения В.А. Левшин не мог наравне с крестьянами верить в достоверность некоторых эпизодов или деталей – отсюда и его частные попытки противодействовать памяти жанра былины и подвергать сомнению историчность повествования. Однако в целом память жанра в этом аспекте у В.А. Левшина работает: в частности, плотность исторических комментариев остается примерно одинаковой на всем протяжении богатырских сказок.

Сами имена героев уже реализуют память жанра былины. Исследователи творчества В.А. Левшина отмечали, что, кроме имен героев-богатырей, автор не сохранил ничего от былин [3, с. 63]. Между тем, значимость имени героя в литературном произведении трудно переоценить, и само именование героев именами былинных богатырей уже свидетельствовало бы о некоей межжанровой общности (то есть, памяти жанра), даже если бы больше никаких следов влияния былин на творчество В.А. Левшина было бы невозможно проследить. Между тем, имена героев В.А. Левшина составляют отдельный и особо значимый пласт: имена, известные нам по русскому богатырскому эпосу (Алеша Попович, Добрыня Никитич, Чурила Пленкович, Заолешанин, князь Владимир, Тугарин и др.), славянские теонимы в представлении мифологов времен В.А. Левшина (Зимцерла, Попоевца и др.), имена сказочных персонажей (Твердовский, Еруслан Лазаревич и др.), имена исторических лиц (хан Аспарух и др.) и прочие. Введенные в единое художественное пространство текста В.А. Левшина, эти разнородные имена задают пространство «сказочно-исторической модели повествования», по определению Л.А. Курьшевой

[4], которое, как представляется, не учитывает былинной составляющей модели повествования В.А. Левшина.

Особо обращает на себя внимание установка на патриотизм, выдерживаемая писателем в богатырских сказках уже с предисловия к богатырским сказкам: В.А. Левшин говорит о «славнейших наших русских ироях в древности» [7, с. 1], о «храбрых людях России» [7, с. 60], о подвигах русских богатырей и победах князя Владимира в войнах с греками, поляками, болгарами и т.д. [7, с. 3–4].

Как представляется, установка на патриотизм и противопоставление «свои-чужие» применительно к народам и этническим группам, представляет память жанра былины в богатырских сказках В.А. Левшина. И снова отметим: ни фольклорная, ни литературная сказка не дают столько возможностей для воспевания собственного народа в противопоставлении его народам-антагонистам (каковы «татарове», «поганые» в большинстве записанных былин) и иным. В.А. Левшин, так же, как и певцы былин, воспринимает свою творческую работу как идеологическую: указывает, что и у России были национальные герои, о которых следует помнить, и которыми стоит гордиться.

Именно поэтому патриотический аспект произведений В.А. Левшина дает основания говорить о том, что здесь работает память жанра былины, а не волшебной сказки, которая не содержит установки на патриотизм. Причину этого, возможно, стоит искать в функциональном назначении былины, которая, в соответствии с теорией стадийного развития эпоса А.Н. Веселовского восходит к лиро-эпической кантилене. Если лиро-эпическая песнь должна вдохновить на индивидуальные подвиги и внушить чувство групповой войсковой солидарности (значение которой для профессиональных воинов Средневековья трудно переоценить как в боевых условиях, так и в мирное время), то былина распространила это чувство на широкие слои русского народа, среди которых она бытовала. В результате войсковая солидарность уступила место национальной и религиозной, однако в памяти жанра былины сохранилась ее прежняя, военно-пропагандистская функция. Актуальность этой же функции, спустя века после широкого распространения былин в великом княжестве Московском и Русском царстве, в эпоху В.А. Левшина также не вызывает сомнений: в XVIII в. существовал огромный запрос на патриотизм в литературе, и в том числе на военный патриотизм, чему свидетельством появление «Россиады» М.М. Хераскова и ее многочисленных эпигонов. Востребованность этой функции, вероятно, и заставила Левшина обратиться именно к жанру былины, создав на его основе произведение массовой литературы, каковым являются «Богатырские сказки». Никакой иной жанр не дал бы ему одновременно и обращения к истории, и пронесенных русским народом сквозь прошедшие со времен Киевской Руси века военно-патриотических установок. Представляется, что причины обращения В.А. Левшина и других авторов массовой литературы XVIII в. к русскому эпическому фольклору могут быть и более глубокими, и заслуживают отдельного рассмотрения не в рамках данной статьи.

Говоря о памяти жанра, как о своего рода «жанровом ДНК», нельзя игнорировать поэтику, хотя нельзя и забывать: произведение X, в котором используются те же поэтические средства, что и в жанре Y, не обязательно принадлежит к тому же жанру. Общность лексических и поэтических средств произведений различных жанров указывает скорее на историческую близость двух жанров, на то, что их эволюция протекала в одних и тех же исторических эпохах. Именно поэтому тот факт, что лексика «богатырских сказок» писателя содержит типичные для былин лексемы, не может быть однозначным указанием на работу памяти жанра былины. В то же время, отметим: по сравнению с волшебными сказками, произведения В.А. Левшина содержат гораздо больше историзмов. Однако причины использования историзмов в былинах и у В.А. Левшина – совершенно разные. В былине эти историзмы существуют как память жанра в чистом виде, а их наличие в корпусе лексики былинных текстов обусловлено устной передачей от сказителя к сказителю. В.А. Левшин же использует историзмы для «документализации» и стилизации под историческое повествование, а также под былинку. Л.А. Курышева отмечает, что здесь В.А. Левшин подражает научному дискурсу [4, с. 130].

В то же время, существуют поэтические приемы, типичные именно для былинного жанра. Поэтика произведений Левшина содержит целые ритмизованные формулы, типичные для былин, и разрушающиеся в прозаических фольклорных пересказах былинных сюжетов: «Он, завидевши силу поганую, поскрикивает богатырским голосом, посвистывает молодецким посвистом, от того сыр бор приклоняется, и лист с древес опускается; он бьет коня по крутым бедрам: богатырский конь разъяряется: мечет из-под копыт по сеной копне, бежит в поля земля дрожит, изо рта пламя пышет, из ноздрей дым столбом» [7, с. 5].

Несомненно, такая ритмизация вместе с использованием былинных формул – яркая примета памяти жанра былины. Однако автор использовал приемы былинной поэтики неравномерно: их особенно много в первых богатырских сказках, и намного меньше – к концу «богатырской» части сборника «Русские сказки». Эти приемы ощущаются привнесенным элементом, даже несмотря на то, что В.А. Левшин часто прибегает к откровенной стилизации: «Побивал я войски сильные, разорал я грады крепкие, не один царь

пал от рук моих; мне война уж принаскучила, мне жаль вас моих подданных...» [7, с. 16] – появляется «квазибылинный стиль». Таким образом, мы имеем дело с искусственным механизмом памяти жанра, в отличие от возникающего в случае традиционной для жанра былины передачи от певца к певцу. И тем не менее, этот механизм, сложившийся в результате рецепции индивидуально-авторским сознанием В.А. Левшина самих былин и их записей в рукописных сборниках (то есть, не самих произведений фольклорного жанра, а слепками с них), существует, потому что результаты его работы (обилие былинной и квазибылинной лексики, ритмики и формул в богатырских сказках В.А. Левшина) нельзя игнорировать.

Хронотоп богатырских сказок В.А. Левшина близок к эпическому времени русских былин. Д.С. Лихачев отмечал: «Представление о киевском периоде русской истории как о своеобразном эпическом времени составляет наиболее яркую, отличительную черту русских былин» [10, с. 56]. В произведениях В.А. Левшина такое представление, несомненно, выражено, начиная с предисловия: «...Не осталось нам известия, как только со времени великого князя Владимира Святославовича Киевского и всея России (интересно, что далее в богатырских сказках В.А. Левшин называет князя Владимиром Всеславьевичем, как и во многих записях былин – И.Щ.). Монарх сей, устранивши греков и варваров, прославился великолепием двора своего, расточением неисчетных сокровищ на огромные здания народные и государственные, на привлечение ученых людей и могучих славных богатырей... Сильнейшие богатыри стеклись к нему от всех стран славенских... Войски его учинились непобедимы и войны ужасны: понеже сражались и служили у него славнейшие богатыри: Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурило Пленкович, Илья Муромец и дворянин Заолешанин... С их-то помощью побеждал он греков, поляков, ятвягов, касогов, радимичей, болгаров и херсонян...» [7, с. 3–4]. Киевская Русь во время великой воинской славы, процветания и успехов, богатырских подвигов и чудес – таков хронотоп богатырских сказок В.А. Левшина. Риторические прославления Киевской Руси и князя, сходные с аналогичными в былинах, нередки в богатырских сказках писателя. С другой стороны, нельзя не отметить и различия между хронотопом произведений писателя и былинным: на первый накладывается современное В.А. Левшину представление о границах европейских государств, вместе с их названиями, чего нет в былинах. Однако результат сходен: как в былинах, так и у В.А. Левшина названия реально существовавших или существующих географических объектов (в основном астионимов) соседствуют с названиями объектов мифологической географии. Таким образом, разница хронотопов объясняется только и исключительно разницей между В.А. Левшиным как носителем книжной культуры Нового времени сравнительно с крестьянином – певцом былин. При этом логика формирования пространственной составляющей хронотопа в былинах и в богатырских сказках писателя, как представляется, весьма схожа.

Работа памяти жанра былины в богатырской сказке – необходимое следствие самой идеи богатырской сказки. Идею В.А. Левшину, вероятно, продиктовали не только патриотический тренд литературы XVIII в. и рост национального самосознания в России, но и объективные закономерности литературного творчества. Такой закономерностью была необходимость поиска новых источников для творчества, особенно актуальная при невероятной плодовитости В.А. Левшина и при общей бедности литературной среды того времени. При этом опыт европейских авторов сразу же подсказал писателю, что черпать новые образы и сюжеты нужно в национальном устном народном творчестве. Вопрос о том, как и в какой степени В.А. Левшин привлекал для своей работы произведения народного творчества с памятью жанра былины (напр., лубок) требует отдельного изучения с применением биографического метода. Так или иначе, богатырские сказки писателя именно благодаря работе памяти жанра былины стали значимым явлением не только своего времени, но и последующих десятилетий: интерес к фольклорному наследию русского народа, и в особенности к былине, только возрастал – в то время как каноны классицизма, которым творчество писателя не отвечало, достаточно быстро изжили себя. Модель повествования, избранная В.А. Левшиным, оказалась столь удачной, что его произведения переиздаются и сейчас для широкой аудитории, а вопрос об очевидном сходстве творческого метода В.А. Левшина и современных авторов произведений славянского фэнтези заслуживает отдельного исследования.

Отметив наличие работающих механизмов памяти жанра по четырем принципиально важным, жанрообразующим для былины параметрам, как представляется, можно сделать следующие выводы. Во-первых: вопрос о наличии или отсутствии памяти жанра былины в богатырских сказках В.А. Левшина решается в пользу того, что память жанра былины в его богатырских сказках, безусловно, существует и определяет наиболее важные черты повествования: авторскую и читательскую установку, функциональное назначение повествования, поэтику, хронотоп, этос. Во-вторых: вопрос о том, каким образом действует эта память жанра, настоящей статьей не исчерпывается, а требует полного и тщательного исследования в контексте творчества других авторов «фольклорного направления» русской предромантической прозы второй половины XVIII в. В-третьих: необходимо поставить вопрос о причинах включения именно таких механизмов памяти жанра, о культурно-исторической обусловленности обращения В.А. Левшина к фольклору, которая обусловила формат взаимодействия фольклорного и литературного начал в массовой литературе XVIII века, к которой относятся все произведения

В.А. Левшина, равно как и богатырские сказки М.Д. Чулкова и М.И. Попова. Ответив на эти вопросы, исследователи смогут сделать шаг вперед в изучении проблем жанровой специфики богатырской сказки, природы памяти жанра, основных жанрообразующих признаков былины и закономерностей возникновения новых литературных жанров на основе фольклорных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов В.П. Чулков и «фольклорное» направление в литературе / В.П. Степанов // Русская литература и фольклор (XI-XVIII вв.). Л., 1970. С. 226–247.
2. Бухуров М.Ф. К вопросу о жанровой специфике адыгской богатырской сказки [Электронный ресурс] / М.Ф. Бухуров // Сборник научных статей молодых ученых и аспирантов. – Нальчик, 2003. – Режим доступа до документу: <http://mith.ru/caucas/pers04.htm>
3. Сиповский В.В. «Руслан и Людмила»: (К литературной истории поэмы) / В.В. Сиповский // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. – СПб., 1906. – Вып. 4. – С. 59–84.
4. Курьшева Л.А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования / отв. ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск: Наука, 2009. – 151 с. – (Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т филологии).
5. Щедрін І.Л. Проблема пам'яті жанру в міждисциплінарному науковому дискурсі / Ігор Щедрін // Вісник Запорізького національного університету: Зб. Наук. статей. Філологічні науки – Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2011. – №1. – С. 58–67.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
7. Левшин А.В. Русские сказки / В.А. Левшин. – М.: Университетская типография Н. Новикова, 1780. – 520 с.
8. Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность: Избранные статьи // Под ред. Б.Н. Путилова / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 327 с.
9. Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря / А.В. Марков // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 996–1011. – (РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом)).
10. Лихачев Д.С. Эпическое время русских былин / Д.С. Лихачев // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: сб. ст. – М., 1952. – С. 55–63.

УДК 821.161.2 – 343.09 + 929 Ярмиш

КАЗКИ-ПРИТЧІ В ЖАНРОВІЙ СИСТЕМІ ЮРІЯ ЯРМИША

Якуба О.В., аспірант

ДЗ “Луганський національний університет імені Тараса Шевченка”

Стаття присвячена дослідженню жанру казки-притчі в прозі Юрія Ярмиша. Ця тема є досить актуальною в сьогоденному літературознавстві, завдяки зростанню звернення сучасних авторів до жанру притчі. У розвідці зроблено огляд наукових досліджень. Для аналізу взято такі казки: “Море”, “Час”, “Золотий кораблик”, “Галілей та Юнак”, “Джерельце”.

Ключові слова: притча, казка-притча, іносказання, алегорія, мораль, натяк.

Якуба Е. В. СКАЗКИ-ПРИТЧИ В ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЕ ЮРИЯ ЯРМЫША / ГЗ “Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко”, Украина

Статья посвящена исследованию жанра сказки-притчи в прозе Юрия Ярмиша. Данная тема является достаточно актуальной в сегодняшнем литературоведении, благодаря росту обращения современных авторов к жанру притчи. В статье осуществлен обзор научных исследований. Для анализа были взяты такие сказки: “Море”, “Время”, “Золотой кораблик”, “Галилей и Юноша”, “Родничок”.

Ключевые слова: притча, сказка-притча, иносказание, аллегория, мораль, намёк.

Yakuba O. V. FAIRY-TALE-PARABLE IN GENRE SYSTEM OF GEORG YARMYSH / SO “Luhansk Univesity named after Taras Shevchenko National”, Ukraine

The article is devoted to research of genre of fairy-tale-parable in prose of George Yarmysha. This theme is actual enough in today's literary criticism, due to growth of appeal of sovremenn³kh authors to the genre of parable. The review of scientific researches is done in secret service. For an analysis such fairy-tales were taken: “Sea”, “Time”, “Gold toyship”, “Galilei and Youth”, “Source”.